

- ²³ Едва ли есть серьезные основания связывать *Nera* и *Nerios*, равно как и *Neria*, с греческим теонимом Νηρεΐς в рамках корня **ner-*, хотя бы по фонетическим причинам.
- ²⁴ Ср. *Tac. Germ.* 28: *Treveri et Nervii circa affectationem Germanicae originis ultro ambitiosi sunt...*
- ²⁵ На границе кельтов и германцев было какое-то количество племен, втягивающихся то в одну этническую группировку, то в другую: так, во времена Цезаря и позднее в районе совр. Вогез и Шварцвальда фиксируется племя *Nemetes*, которое римляне относят к германцам, но этимологически этот этноним является кельтским.
- ²⁶ *Koch J.T. Ériu, Alba and Letha: when was a language ancestral to Gaelic first spoken in Ireland? // Emania. Bulletin of the Navan research group. 1991. № 9.*
- ²⁷ *Степанов Ю.С. Баба-Яга, Янус, Ясон и др. К вопросу о “нестрогом” сравнительно-историческом методе // ВЯ, 1995, № 5, 3–16.*

А. Лома

К ЭТИМОЛОГИИ КАВКАЗСКОГО НАЗВАНИЯ ПЛУГА

“Историко-этимологический словарь осетинского языка” Василия Ивановича Абаева – одно из больших достижений этимологической лексикографии двадцатого столетия, незаменимое не только в изучении его непосредственного предмета, но и прошлого и быта осетин в целом, а также в разного рода исследованиях по иранистике и индоевропеистике¹. Нами он используется в качестве богатейшего источника и надежного справочника в продолжительных поисках языковых следов причерноморских иранцев, скифов и сарматов. В отличие от преобладающего мнения, разделяемого самим Абаевым, мы считаем осетинский непосредственным преемником сарматского, но не и скифского языка, все-таки допуская наличие в сарматском, а посредством его и в осетинском, скифского лексического субстрата, проявляющего ряд характерных фонетических признаков. Самым бесспорным из них, так что и сам Абаев не мог не учесть его, кажется осет. *t* из индоиран. **t̥* (т.е. **t̥s*), которое в скифском, как и в древнеперсидском, дало *θ* там, где в исконно осетинских словах ожидалось бы *s*, напр. *færæt*, *rætæn*, *talm*². Особенно подозрительны относительно скифского происхождения те осетинские слова, в которых *t* стоит в анлауте перед гласным или в (изначально) интервокальной позиции, а не восходит к (редкому) глухому придыхательному индо-иран. **th*, поскольку древнеиранское *t* в тех же позициях в осетинском перешло в *d*. Одним из таких слов с неизвестной этимологией является ирон. *gūton*, дигор. *goton* ‘плуг’ с соот-

ветствиями в ряде кавказских языков: арм. *gut^can*, курд. *kotan*, азерб. *kotan*, груз. *gutani*, абхаз. *a-k'atàn*, авар. *kutan*, удин. *kotan*, дарг. *gutan*, вейнах. *gwota*, балкар. *gotan* (Абаев I, 527). Абаев обсуждает его как “общекавказское слово неизвестного происхождения”, не имеющее этимологических корней ни в одном из перечисленных языков³, но потом рассуждает следующим образом: “...почти во всех этих языках слово обозначает особое, более усовершенствованное или тяжелое орудие пахоты, в отличие от обычной сохи, для которой имеется другое, оригинальное название. Если в конце видеть формант *-an*, то **kut-* могло быть племенным названием, указывающим на происхождение данного вида орудия. Может быть, **kut-* из **skut-* ‘скиф’? В этом случае название **skutan*, **kutan* ‘скифский (плуг)’ можно было бы связать с известной легендой скифов о получении ими плуга с неба” (Абаев I, 527 с лит.).

Эта этимология маловероятна; кажется, что она исходит из – Абаевым принятого – марровского толкования греческого термина Σκῦθαι ‘скифы’ на основе предположительного множественного числа *skuta* < **skul-ta* (где *-ta* из *-θνα?*), якобы изначальной формы скифского самоназвания *skul(a)*⁴. Но ввиду ассирийских свидетельств вроде *ašgūzai*, *iškūzai* ясно, что первичная, раннескифская форма термина была *skuda-*, откуда, в свою очередь, произошли и поздн. скифская *skula-* (Σκῦλης), мн. *skulata* (Σκόλοτοι) и греческая Σκῦθης, первая с характерным для скифского переходом *δ > l*, а последняя, по всей вероятности, через фракийское посредство, поскольку в фракийском в рамках своего рода передвижения согласных чужое (*δ*) могло потерять свою звонкость и перейти в (*b*)⁵. Такое, с суммой всех данных и с историко-географической реальностью согласующееся, объяснение едва ли допускает возведение кавказского названия плуга к скифскому имени, даже и при факультативном характере начального *s-* в последнем⁶.

Бликие по звуковой форме обозначения плуга, сошника отмечаются в индоарийском: др.-инд. *kūṭa-* н., *kūṭaka-* н. ... ‘сошник, лемех; часть плуга’, *kuṭaka-* н. ‘плуг без дышла’, с продолжением в хинди *kūr* ‘body of a plough’. Ввиду созвучных тамильских слов *kozu-* ‘железный прут, сошник’, мал. *koṟu*, кан. *kuṟu*, *guṟu* ‘сошник, лемех’, Барроу и вслед за ним Майрхофер приняли дравидское происхождение целого гнезда⁷, но позже сам Барроу отказался от своей прежней этимологии и выступил с новой, индоарийской этимологией этих и некоторых других слов (вед. *kūṭa-* ‘молот (?)’), относящей их к и.-е. корню **kū-* ‘бить, ударять’ в нов.-в.- нем. *hauen* и т.п.⁸, которую принимает Войтилла⁹. Правда, это только “Wurzeletymologie”, как ее трактует Майрхофер (Mayrhofer. Aitindoar. I, 384), определяя теперь слово неясным (Mayrhofer. Aitindoar. III, 116: “Nicht klar”). Префиксальное сложение *nikuṭa-* ‘массивная деревянная часть плу-

га', как будто свидетельствует о продуктивности основы и понимании ее этимологического значения индоариями. Наблюдается формальное и семантическое сходство вышеприведенных названий сошника и плуга с др.-инд. *kūta-* n., *koti-* f. 'острие, пик'. И это гнездо представлено в дравидском, а наличие в данных словах церебрального в интервокальной позиции является показателем их неисконности и скорее субстратного или среднеиндийского происхождения (обзор толкований см. в: Mayrhofer. Aitindog. III, 116; 124).

Однако дело не такое простое из-за существования в древнеиндийском параллельных форм с собственно индоарийском звуком *-ś-* на том же месте: *kuśi-* f., *kuśa-* n., *kuśika-* m.p. 'лемех', точнее 'железное острие лемеха', поскольку в источниках это орудие определяется, как сделанное из железа (*lohajah*)¹⁰. Кажется, что основное значение было '(металлический) клин, гвоздь', ввиду очевидно родственного *kuśā-* f. 'гвоздь' и того факта, что в ряде европейских языков обозначение сошника восходит к слову именно со значением клина, гвоздя¹¹. Если исходить из основной идеи чего-то острого, колющего, сюда можно было бы отнести и др.-инд. *kuśā-* 'трава', в ритуалах Сутр обозначение святой травы *Paśa cynosuroides*, отличающейся остроконечными листьями, ср. *kuśāgra-* 'the sharp point of a blade of Kuśa gras', и как прилаг. 'острый', 'остроумный (sharp, shrewd)'¹². Есть основания предположить вместе с Петерссоном в вышеприведенных и некоторых других др.-инд. словах, вроде *kūṣṭā-* 'торчащий конец чего-то', наличие и.-е. корня **keuk-* 'колоть, быть острым', до сих пор не засвидетельствованного в других и.-е. языках¹³.

Церебральный *t* является аллофоном палатального *ś* (< и.-е. **k*) в ряде корней и основ, но только в абсолютном конце слова или на морфологической границе перед согласным¹⁴, в то время, как в выше приведенных словах *kūta-*, *kuśaka-* и т.д. он обладает фонемным характером. Следовательно, в рамках древнеиндийской фонетической системы данные формы нельзя соотносить с формами, содержащими *-ś-* вроде *kuśi-* 'сошник'. Поскольку они все-таки кажутся едва ли отделимыми друг от друга, нам остается искать их взаимосвязь на каком-то более глубоком уровне. Поскольку древнеиндийскому *ś* в древнеиранском соответствует, как известно, не только авестийское *s*, но и древнеперсидское, а, по нашему мнению, и скифское *θ*, допустимо предположить, что есть такие древнеиранские заимствования в индоарийском, в которых церебральный *t* отражает именно др.-иран. щелевой *θ* из и.-е. **k*. Такая субституция кажется довольно вероятной из-за отсутствия в древнеиндийском соответствующего звука; иноязычное (*b*) воспринималось как более близкое глухому церебральному зубному *t* чем, пожалуй, придыхательному *th* или простому зубному *t*¹⁵.

Возведение диалектного индоиранского обозначения лемеха к корню **kauć-/ *kuć-*, отраженному в части древнеиндийского ареала и, предположительно, в каком-то с ним соприкасающемся древнеиранском диалекте, дает возможность предложить новую интерпретацию здесь рассматриваемого кавказского названия плуга, выдвигая на первый план иранские идиомы, в которых оно засвидетельствовано, а именно курдский и осетинский.

Взаимоотношение форм осет. *gūton / goton*, курд. *kotan* исключает возможность, что они независимо друг от друга унаследованы из общеиранского; в частности, *-t-* в той и в другой форме не возводимо к одному древнеиранскому звуку. Осет. *-t-* восходит к более древнему *-θ-*, отражающему индо-иран. **th* или, в словах собственно скифского происхождения, к и.-е. **k̑*, тогда как в курдском эти звуки развивались иначе: и.-е. **k̑* > общеиран. **ć* > курд. *s*, ср. курд. *hesin* ‘железо’, наряду с перс. *āhan* < **āθan*; индо-иран. **th* > общеиран. **θ* > курд. *h* > \emptyset , ср. курд. *pān*, наряду с перс. *pahan*, осет. *fætæn*, все из **paθana-* ‘широкий’ (ср. Абаев I, 464; 481). Скорее надо предположить, что слово из осетинского перешло в другие языки в древнеосетинской форме **kōīān*, которая, в свою очередь, восходила бы к скифской **kauθāna-*, где *-θ-* < **k̑*, возводимой к тому индо-иран. корню **kauć-/kuć-* ‘острый’, которым и объясняются рассмотренные выше др.-инд. названия лемеха.

Из семантики корня видно, что данный тип сошника должен был отличаться особенной остротой; по всей вероятности, это был железный лемех, являющийся отдельной частью плуга, которая стала предметом торговли, ввоза. Об этом свидетельствуют значения большинства др.-инд. слов, а также их фонетические формы, указывающие на их иноязычное происхождение. Производный характер скифской праформы **kauθāna-* и преобладающее значение ее отражений в кавказских языках внушает предположение, что она изначально обозначала плуг, снабженный лемехом особого типа, а потом, согласно приведенному выше определению Абаева, “особое, более усовершенствованное или тяжелое орудие пахоты”, используемое в обработке лесостепного чернозема, представляющее для скифов большое культурное достижение, золотое изображение которого их цари чтили как подарок богов, упавший с неба. Именно в этом употреблении слово и могло быть заимствовано сармато-аланскими предками осетин, в чьем языке, пожалуй, существовало свое, с востока принесенное обозначение железного сошника **fsana-* (ирон. *ʷfsæn*, дигор. *æfsæn*, ср. Абаев I, 480 сл.), восходящее к **spana-* ‘железо’.

Сопоставление кавказских названий плуга и сошника с древнеиндийскими допускает, за исключением случайного созвучия, и другую возможность интерпретации – заимствование слова в кавказ-

ские и индоарийские языки из общего субстрата, вследствие языковых и культурных связей между прото-дравидийцами, носителями харапской цивилизации, и эламцами Передней Азии, а, возможно, и доарийским населением городов Средней Азии. Все-таки это с хронологической точки зрения кажется менее вероятным. Слово должно быть довольно древним, но его проникновение связано со сравнительно поздней технологической инновацией; и в осетинском, и в древнеиндийском существуют более древние обозначения плуга, в том числе, более ранние заимствования, ср. мундскую этимологию др.-инд. *lāṅgala-*, встречающегося уже в одной из ранних мандал Риг-веды. Лучшее знакомство с лексикой иранских языков могло бы оказать помощь при разрешении этой и многих других такого рода дилемм. В этом смысле возлагаем надежды на новый “Этимологический словарь иранских языков”, первым выпуском которого В.С. Расторгуева и Д.И. Эдельман недавно обрадовали научную общественность¹⁶.

Примечания

- ¹ *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка (далее: *Абаев*). Т. I–IV. М.; Л., 1958–1989.
- ² В связи с этим явлением Абаев в 1945 г. писал о “древнеперсидских элементах в осетинском языке” (см.: *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949, 138–143); в 1968 – “о перекрестных изоглосах” (*Этимология* 1966. М., 1968, 253).
- ³ Еркерт считал слово заимствованным в осетинский из армянского; Хюбшманн на это возражает, что арм. *gu'ta* не засвидетельствовано в арм. литературе (*Hübschmann H.* Armenische Grammatik. Erster Teil: Armenische Etymologie. Leipzig, 1897, 398). Миллер отнес его к грузинским культурным заимствованиям в осетинском (*Miller W.* Die Sprache der Osseten // *Geiger W., Kuhn E.* Grundriß der iranischen Philologie. Bd. I, Abt. I. Straßburg, 1895–1901, 10).
- ⁴ *Абаев В.И.* Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 363–364.
- ⁵ Ср.: *Витчак К.Т.* Скифский язык: опыт описания // ВЯ 1992, № 5, 52 сл.; *Ломма А.* Skythische Lehnwörter im Slavischen. Versuch einer Problemstellung // *Studia Etymologica Brunensia* 1. Praha, 2000, 343.
- ⁶ Ссылаясь, пожалуй, на **kula-* рядом с *skula-* в Колάξαις < *(s)kuda-xšaya- ‘царь скифов’ (?).
- ⁷ *Burrow T.* // Transactions of the Philological Society. Oxford, 1945, 93; *Mayrhofer I.*, 251: “Wohl dravidisch”, ср. и 220).
- ⁸ *Burrow T.* Spontaneous Cerebrals in Sanskrit // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 35. London, 1971, 550.
- ⁹ *Wojtilla Gy.* The Sanskrit Terminology of the Plough // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1988. Т. XLII, 2–3, 325–388, ср. особ. 333.
- ¹⁰ В сборниках Яджурведы это же слово, в форме двойственного или множественного числа *kuśī-*, обозначает какой-то предмет из металла, употребляемый в ритуале, но его точное значение спорно. Согласно Дебруннеру, это

- был железный гвоздь (в связи с пракр. *kuṣī-* f. 'a tool made of iron') (*Wackernagel J. / Debrunner A. Altindische Grammatik II, 2. Göttingen, 1954, 384*); согласно Рай – 'ein nutzmetalles Stäbchen' (*Rau W. Metalle und Metallgeräte im vedischen Indien [Abh. d. Geistes- und Sozialwiss. Kl. Jg. 1973, № 8]. Wiesbaden, 1974, 35, прим. 18*); согласно Каланду, наоборот, – 'металлическая пластинка' (*Caland W. Acta Orientalia 1928, 6, 146*; одобрительно *Hoffmann K. Aufsätze zur Indoiranistik, Bd. 2, Wiesbaden 1976, 396*); Майрхофер не высказывается (ср.: *Mayrhofer Altindoar. I, 380*).
- ¹¹ Ср. греч. ὄφρυς, лат. *vōmis, -eris*, ст.-в.-нем. *waganso*, нов.-в.-нем. бавар. *Wagensun*, ст.-исл. *vangsní*, ст.-прусс. *wagnis* 'лемех, сошник' со ст.-в.-нем. *weggi, wecki*, англосакс. *wecg*, ст.-исл. *veggr*, лит. *vāgis*, лтш. *vadzis* 'клин, гвоздь' (и.-е. **uogʰh-*, см.: *Pokorny I, 1179* сл.).
- ¹² С последним значением можно сравнивать *kúśala-* 'ловкий', но семантика этого прилагательного более разветвлена (также 'выгодный, хороший' и т.п.), и существуют другие возможности его этимологического определения.
- ¹³ *Petersson H. Arische und Armenische Studien (Lunds Univ. Årsskrift Avd. 1, Bd. 16. No. 3). Lund, 1920, 18*; по Майрхоферу такой корень "к сожалению, совсем неизвестен" (*Mayrhofer I, 247, ср. и 245; Mayrhofer. Altindoar. I, 379*). Ср. однако слав. **kъs-/kys-/kvas-*, семантический переход 'острый' > 'кислый' хорошо известен (напр. лат. *acidus* 'выгодный, хороший', наряду с *acus* 'игла', *acūten* 'острие', все из и.-е. **ak-* 'острый'), а *s* в этом корне, пожалуй, лучше объясняется из и.-е. **k* чем из **ts*, что почти общепринято, ср.: *Трубачев О.Н. ЭССЯ 13, 154* сл.).
- ¹⁴ Ср.: *Wackernagel J. Op. cit. I, § 149*.
- ¹⁵ Сюда возможно было бы отнести и плохо засвидетельствованное слово *kuha-* m. 'массивная деревянная часть плуга', как параллельное иранское заимствование с характерным для среднеперсидского развитием **k̄* > *θ* > *h*. Войтилла пытается соотнести его на внутрииндоарийском уровне с синонимичным *kuḍa-* (*Wojtilla Gy. Op. cit., 331* сл.), которое, в свою очередь, могло бы быть фонетическим вариантом формы *kuṭa-*.
- ¹⁶ Обозначение плуга в восточноиранском языке йигда *katā* едва ли возможно сравнивать с осетинским *gūton/goton*, вопреки *Cornillot F. De Skythes à Kolaxāis // Studia Iranica 1981, 10, 7* и сл., ввиду различия в корневом вокализме; впрочем, сохранение интервокального *t* в йигда указывает на позднее заимствование.